

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

(На материале курдской фразеологии)

М. У. ХАМОЯН

Основной вопрос теории фразеологии — ее объема и границ, еще не решен однозначно, и отграничение фразеологии от других подсистем языка продолжает оставаться одной из актуальных задач теории и практики языкознания. Результаты исследований, проведенных на фразеологическом материале разных языков, предоставляют большие возможности для глубокого понимания особенностей таких образований: их структуры, семантики и функционирования. Но эти результаты вместе с тем не содержат конкретных указаний на то, что же в конечном счете служит основой отграничения этой области языка от других его областей.

Определение объема фразеологии обычно зависит от того, как исследователь понимает фразеологическую единицу. В работах одних специалистов, например, элементами одной подсистемы языка, называемой ими фразеологией, считаются только те устойчивые словосочетания, которые имеют переносное значение и обнаруживают единичное сцепление компонентного состава¹. Остальные же устойчивые словосочетания, по мнению этих исследователей, не входят в состав фразеологии, поскольку они не удовлетворяют выдвинутым ими критериям фразеологичности². В других работах, напротив, в разной форме выражается стремление к отнесению всех устойчивых словосочетаний языка к одной подсистеме, называемой ими фразеологией³.

Чем объясняется наличие столь разных взглядов на предмет фразеологии? В ходе изучения курдской фразеологии мы убедились в том, что оно связано не с недостаточностью результатов исследования устойчивых словосочетаний в указанных выше традиционно выделяемых трех аспектах, а с тем, что вопрос об определении места устойчивых словосочетаний в системе языка решается без выбора для этой цели соответствующего аспекта исследования.

Как известно, наиболее важными признаками, обнаруженными исследователями в устойчивых словосочетаниях, являются: 1) устойчи-

¹ См., напр.: И. И. Чернышева, Фразеология современного немецкого языка, М., 1970, стр. 29.

² См., напр.: А. В. Кунин, Английская фразеология, М., 1970, стр. 218.

³ См., напр.: В. Л. Архангельский, Фразеологические отношения и классификация фразеологических единиц в современном русском языке. — «Вопросы русской фразеологии», вып. II. («Уч. зап. Московского обл. пед. института им. Н. К. Крупской», т. 160), М., 1966, стр. 50.

вость, 2) раздельнооформленность, 3) переосмысленность значения у одних устойчивых словосочетаний, 4) непереосмысленность значения у других устойчивых словосочетаний, 5) единичное сцепление компонентного состава у одних устойчивых словосочетаний, 6) серийность или моделированность сцепления компонентного состава у других устойчивых словосочетаний.

При всей важности этих признаков для осмысления природы комплексной организации устойчивых словосочетаний они, как в отдельности, так и в целом, не могут служить основой для отнесения устойчивых словосочетаний к той или иной подсистеме языка. В соответствии с выдвинутыми одними исследователями критериями фразеологичности, например, пословицы, имеющие переносное значение, оказываются в составе фразеологии, другие же остаются за ее пределами. Создается впечатление, что пословицы возникают в пределах двух подсистем языка («фразеологии» и «нефразеологии»), из двух разных «потребностей». В действительности же пословицы, как увидим дальше, возникают из одних и тех же потребностей, образуя поэтому отдельную особую область языковых единиц.

Так обстоит дело и со многими другими типами устойчивых словосочетаний — с номинативными и номинативно-терминологическими оборотами, с парными сочинительными конструкциями и повторами, и т. п.

Не вдаваясь в подробное перечисление широко представленных в специальной литературе различных пониманий фразеологической единицы и связанных с ними всевозможных вариантов определения состава устойчивых словосочетаний, можно в общих чертах указать на то, с какой стороны следует подойти к устойчивым словосочетаниям в целях определения их места в системе языка.

Определение устойчивого словосочетания в качестве отдельной самостоятельной языковой единицы предполагает наличие у него особого лингвистического назначения в системе языка. Ведь если устойчивое словосочетание служит языковой единицей особого порядка, т. е. не относится ни к лексике, ни к синтаксису на том основании, что не является ни словом, ни свободным словосочетанием или предложением — хотя и может иметь с ними некоторые сходные черты — и, следовательно, не имеет ни лексического, ни синтаксического назначения, то оно должно обнаружить особое лингвистическое назначение, свойственное только ему.

Это тем более правдоподобно, что если бы назначение устойчивого словосочетания было бы то же самое, что и у слова или у единиц плана речи, то устойчивое словосочетание в принципе ничем не отличалось бы от них: оно совпадало бы с ними во всех отношениях — в картине становления, в структурно-семантической организации, в плане функционирования и т. д., — словом, у устойчивого словосочетания не было бы той комплексной организации, которая придает ему вид языкового образования особого типа.

Изучение языковых единиц со стороны их лингвистического назначения имеет принципиально важное значение для решения такой сложной проблемы теории и практики языкознания, какой является отграничение единиц разных подсистем языка друг от друга. Эта проблема является основным объектом внимания в настоящей статье в связи с необходимостью в определении объема и границ фразеологии на материале курдского языка.

В целях установления места языковой единицы в системе языка следует исходить не из ее частных признаков или свойств, а из такого свойства, которое раскрывает ее сущность и отграничивает ее от единиц, не обладающих этим свойством. Таким именно свойством элемента языка, как нам кажется, является его лингвистическое назначение. В курдоведении, как, впрочем, и в общенаучном плане, вопрос о лингвистическом назначении как о категориальном свойстве языковой единицы не ставился. Сам термин «назначение» как лингвистическое понятие отсутствует в словарях лингвистических терминов.

К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «язык возникает лишь из *потребности*, из настоящей необходимости общения с другими людьми»⁴. Это положение имеет принципиальное значение для признания назначения объектом самостоятельного исследования. Нужда в передаче единицы мысли создает потребность в ее лингвистической объективации и тем самым в образовании соответствующей языковой единицы в целом. Это значит, что языковой единице изначально присуще определенное назначение: то, что возникает в ответ на потребность, имеет свое назначение — удовлетворить эту потребность⁵.

Положение К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что язык возникает из потребности общения с другими людьми, оказывается базой для рассмотрения назначения языка вообще, назначения его подсистем и относящихся к ним языковых образований в качестве их особых релевантных свойств.

Назначение языка определяется в плане сравнения его с нелингвистическими средствами общения. В этом плане язык выступает в «должности» (несет обязанности) орудия общения в виде звуковой речи. Свойство являться орудием общения в виде звуковой речи есть назначение языка, его категориальное свойство, отграничивающее его от нелингвистических средств общения. Здесь же отметим, что «должность» языка как орудия общения в виде звуковой речи обуславливает у него определенные функции, что и требует строгого различения назначения и функ-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 29 («Немецкая идеология»).

⁵ Вопрос о необходимости изучения языковых элементов со стороны их лингвистического назначения как их категориального свойства был поставлен автором настоящей статьи в докладе «О принципах создания курдско-русского фразеологического словаря», см.: Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания», ч. 2, М., 1977, стр. 75.

ции языка как двух его различных сторон. То же самое нужно сказать и о назначении и функциях языкового образования, к которому нам предстоит обратиться.

Назначение языкового образования, как и назначение той или иной языковой подсистемы (или микросистемы) как таковой определяется в пределах общей системы языка. В этом плане языковые образования оказываются в положении лингвистических средств общения (элементов орудия общения) в виде автономных отрезков звуковой речи, образованных из определенных потребностей. Свойство автономного отрезка звуковой речи — языкового образования — удовлетворить потребность в передаче данной единицы мысли, возникшей в результате отражения действительности, выступает как его лингвистическое назначение в системе языка.

Различия между языковыми образованиями начинаются с того, что они возникают из разных потребностей. Слово как единица лексической системы языка, например, возникает в связи с одними потребностями, тогда как такое сцепление слов, как синтаксическая единица (напр., предложение) образуется в связи с совершенно другими потребностями; становление поговорок и пословиц оказывается, в свою очередь, связанным с одними потребностями, в то время как из совершенно других потребностей возникают фразеологические единицы или речевые единицы типа присловий и т. п.

Поскольку при разных потребностях возникают разные по назначению языковые образования, а из одних и тех же потребностей возникают образования одного и того же назначения, это обуславливает необходимость в соответствующем различении и разных типов назначения, а именно: назначение лексическое, назначение синтаксическое, назначение фразеологическое, назначение паремнологическое и т. д.

Наличие определенного типа назначения у языкового образования определяет его специфичность и положение в системе языка. Оно вычлениет его в составе речи, противопоставляя окружающим элементам. В случаях, когда потребность в языковом элементе исчезает, он теряет свое назначение и перестает существовать. Из этого следует, что нет языковых элементов без назначения. Встречаются также случаи различного характера, когда языковой элемент используется языковым коллективом не по назначению, к ним относятся, например, переходы слов в словообразовательные и формообразовательные морфемы. Более широко представлены случаи использования единиц синтаксической системы языка не по синтаксическому назначению. Синтаксическая единица существует тогда, когда она и образующие ее лексические единицы (каждая в отдельности) применяются по своему собственному назначению. Такая синтаксическая единица реализуется в виде целостного сцепления формально-смысловых элементов⁶, а образующие ее слова —

⁶ Л. З. С о в а, Аналитическая лингвистика, М., 1970, стр. 102.

в виде полноценных формально-смысловых элементов⁷ лексического назначения. Но когда эта синтаксическая единица (как и образующие ее элементы) употребляется не по назначению, тогда перед нами уже образование иного, несинтаксического назначения (напр., *нане п'е хэм-бэр* как синтаксическая единица в значении «хлеб пророка» и то же образование как устойчивое словосочетание в значении «кукуруза»). Таким элементом, в частности, служит фразеологическая единица, о которой речь идет ниже.

Специфика языковых образований не исчерпывается тем, что они возникают в ответ на разные потребности и имеют разные назначения. Обращает на себя внимание и то, что языковые образования, вызванные одной и той же потребностью и имеющие одно и то же назначение, как таковые, обнаруживают в то же время один и тот же лингвистический статус комплексной организации, а образования, различные по назначению, наоборот, различаются и по лингвистическому статусу комплексной организации. В этом — прямое указание на то, что комплексная организация языкового элемента первоначально строится в строгой зависимости от характера и объема того мыслимого содержания, необходимость в передаче которого создала потребность в его лингвистической объективации.

Иными словами, комплексная организация языкового образования в момент становления строится в соответствии с его назначением, иначе потребность в данном языковом образовании не будет удовлетворена. Комплексная организация языкового образования оказывается обусловленной его назначением, а последнее — доминирующим над всей комплексной организацией языкового образования свойством. Удовлетворение потребности в создании языкового элемента происходит путем облечения данной единицы мысли в строго определенную лингвистическую форму. Стало быть, если языковые элементы обнаруживают разные формы объективации, это значит, что у них разные по характеру и объему содержания, они возникают из разных потребностей и, следовательно, имеют разное лингвистическое назначение в системе языка. Комплексная организация элемента языка оказывается, таким образом, своего рода формальным показателем его назначения и свидетелем реально действующей потребности, вызвавшей его к жизни.

В силу того, что языковые элементы, возникшие из разных потребностей и имеющие разное назначение, обнаруживают и различную по лингвистическому статусу комплексную организацию, они относятся к разным подсистемам языка, подлежащим исследованию в качестве объектов различных научных дисциплин. Подсистема оказывается, таким образом, языковой областью единиц одного и того же назначения.

Языковые образования, имеющие разное назначение, могут, пусть и в разной степени, совпадать в различных частях своей комплексной организации или обнаруживать те или иные сходные черты. Когда на-

⁷ Там же

значение языковых образований не учитывается, подобные совпадения не только препятствуют, но и нередко исключают всякую возможность определить место таких образований в системе языка. Например, трудно определить место слов в системе языка и, в частности, их принадлежность к лексической подсистеме языка, исходя лишь из того, что они выполняют номинативную функцию. Эту функцию выполняют также и многие соотносящиеся с понятием устойчивые словосочетания, которые, однако, не являются словами.

Трудно также определить принадлежность какого-либо образования к той или иной подсистеме языка, исходя лишь из того, что оно обладает устойчивостью, переосмысленным значением и внутренней раздельнооформленностью. Эти признаки обнаруживают языковые образования разных назначений. Многие устойчивые словосочетания и их лексические дериваты, а также часть пословиц обладают устойчивостью и переосмысленным значением. Внутреннюю раздельнооформленность обнаруживают и сложные слова типа сложноименных глаголов (в некоторых формах их реализации), а также устойчивые и свободные словосочетания, поговорки и пословицы. Среди этих образований сложноименные глаголы выделяются тем, что внутренняя раздельнооформленность у них относится к сцеплению морфем. Легче отграничиваются свободные словосочетания, обнаруживающие сцепление слов. Но трудно отграничить пословицы от устойчивых словосочетаний, так как у тех и у других раздельнооформленность относится к сцеплению лексем (потенциальных слов).

Поскольку языковые образования разных подсистем могут совпадать в различных частях своей комплексной организации, но никогда не могут совпадать по назначению, то последнее и должно лечь в основу определения принадлежности языковых образований к соответствующим подсистемам языка и их отграничения друг от друга. Это относится к элементам всех языковых уровней, в том числе и к единицам фразеологической системы, к которым нам предстоит обратиться.

Языковыми образованиями фразеологического назначения (фразеологизмами) считаются нами структуры типа: ав дь гәрдәна фк-еда дьхвенә «очень красивый, нежный (кто-либо)» букв. «когда кто-либо воду пьет, она как бы светится сквозь грудь (шею)»; ав у зар «плач, стонание, жалобные стоны; переживания», букв. «вода и язык (речь)»; ава бьн кае «коварный, хитрый; ненадежный; предатель», букв. «(как) вода, текущая под сечкой (соломой)», и т. д. Фразеологизмы, как это видно из приведенных примеров, являются обозначениями (наименованиями) объектов действительности (как предметов познания), основанными на принципе обязательного описания, характеристики или оценки их в определенном направлении в пределах сложившихся возможностей синтаксического построения словосочетания или предложения. Свойство языкового образования быть единицей такого статуса служит показателем фразеологичности его комплексной организации, и тем самым — доказательством его фразеологического назначения.

Фразеологизмы, таким образом, предназначены для того, чтобы служить характеризующими, квалифицирующими обозначениями⁸, обладающими цельностью номинации. Потребность в их создании как качественно отличных от слова образований связана с необходимостью в передаче не всяких единиц мысли, возникающих в результате отражения действительности, а только таких, в которых действительность представлена в своей предельной характеристике, оценке или описании в определенном направлении.

Единица мысли, облакающаяся в фраземную форму, является в большей или меньшей степени развернутым, расширенным отражением действительности. Развернутая единица мысли отличается от свернутой большим объемом информации: она оснащена и «украшена» разнообразными данными об объекте действительности. Свернутая мысль не обладает этим качеством, или если и обладает, то имплицитно. Специфика отражения действительности, свойственная фразеологизму, выделяет его в качестве языковой единицы особого назначения, которым не обладают не только слова и синтаксические единицы, фонемы и морфемы, но и многочисленные устойчивые словосочетания и предложения, встречающиеся в современном курдском языке. Такими устойчивыми словосочетаниями являются следующие образования:

1. Устойчивые словосочетания, предназначенные для того, чтобы служить интеллектуально-дидактическими констатациями познанных в результате длительного закрепления мировоззренческого опыта и социально-бытовых традиций, имеющих место в разных сферах народной жизни. Это — поговорки и пословицы, обладающие коммуникативной целостностью и представляющие собой особые обороты, образующие своего рода дидактический кодекс народа в его познавательной деятельности. Такими устойчивыми образованиями являются, например: *шер шерэ, чь жьн чь мерэ* «лев остается львом, будь он мужчина или женщина», *мәһ'буб әвә, ко дьл дьһ'әбинә* «красиво то, что покоряет сердце», *һәр гөләке бинәк же те* «каждый цветок имеет свой запах», и т. д.

2. Устойчивые речевые обороты в виде присловий, заключений и отдельных вводных выражений, встречающихся в памятниках устного народного творчества и в разговорном просторечии и имеющих контакто-устанавливающее назначение, ориентированных не на предмет мысли, а на участников речевого акта: *шарәке жь щара, рәһ'мә ль де-баве һадьр-гоһдара* «однажды, царство небесное родителям присутствующих», *һәбу-т'бнәбу* «жил-был», *әм бенә сәр фк-е, фт-и* «теперь обратимся к тому-то», и т. д.

3. Синтаксические сочетания типа: *тә'ри к'әте э'рде* «темнота вошла в землю», т. е. «наступила темнота»; *р'о һатә нивро* «солнце пришло в полдень», т. е. «наступил полдень», и т. д. В языке таких оборотов очень мало. Они имеют синтаксическое назначение и реализуются в виде сцеп-

⁸ См. об этом: Л. И. Ройзензон, Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма, — «Вопросы фразеологии», Ташкент, 1965, стр. 69.

ления формально-смысловых элементов, но в то же время обладают определенной долей устойчивости.

Итак, устойчивые словосочетания и предложения, встречающиеся в современном курдском языке, с точки зрения лингвистического назначения объединяются в отдельные разновидности. Это перечисленные три группы устойчивых словосочетаний, которые должны служить объектами самостоятельных исследований, и группа устойчивых словосочетаний — фразеологизмов как единиц, предназначенных для того, чтобы служить характеризующими, квалифицирующими обозначениями, обладающими номинативной целостностью. Единицы каждой из указанных четырех групп — это специфические языковые продукты, специфические средства языкового общения, образованные в связи со специфическими потребностями.

Выделение назначения фразеологизма в качестве его категориального свойства и, в связи с этим, отграничение курдской фразеологии от лексикологии и синтаксиса и предоставление ей права на самостоятельное существование обуславливает возможность основания и развития особой, подчиненной ей области — фразеографии, создает необходимость ее выделения и помещения в один ряд с лексикографией. Определение фразеографии в качестве самостоятельной научной отрасли основано на том, что она представляет целый комплекс специфических вопросов, освещение которых не входит в задачу лексикографии. Эти вопросы были разработаны при составлении курдско-русского фразеологического словаря⁹.

ԳԱՐԶՎԱԾՔԻ ԼԵԶՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ՆՇԱՆԱԿՈՒՄԸ ԼԵԶՎԻ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ

(Քրդերենի դարձվածաբանական նյութի հիման վրա)

Մ. Հ. ԽԱՄՈՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Հորվածում սահմանվում է դարձվածաբանության ուսումնասիրության առարկան։ Սահմանման հիմքում դրված է դարձվածքի լեզվաբանական նշանակումը։ Դարձվածքը ստեղծվում է որոշակի պահանջից և հետևապես լեզվի համակարգում ունի յուրահատուկ նշանակում՝ բավարարել այդ պահանջը։ Վերջինիս բացակայության դեպքում դարձվածքը կորցնում է իր նշանակումը և դադարում է գոյություն ունենալ։ Քանի որ միևնույն պահանջի լեզվական ստեղծումները միևնույն նշանակումը և նրանով պայմանավորված կառուցվածքի հավասարազոր իրավիճակն ունեն, ապա նշանակումն էլ պետք է քննության ենթարկվի որպես լեզվի տարրեր ենթահամակարգերի, այդ թվում նաև դարձվածաբանության տարրերի սահմանադատման հիմք։

⁹ Курдско-русский фразеологический словарь, составленный автором этих строк в Институте востоковедения АН АрмССР, содержит свыше 8000 фразеологических единиц. Он выходит в свет под редакцией проф. Ю. Ю. Авалянни.

Դարձվածքի նշանակման բացահայտումն ու նրա առանձնագումր որպես դարձվածքների համընդհանուր որոշիչ հատկություն և այս կապակցությամբ դարձվածաբանության անջատումը բառապիտոթյունից, նրա, որպես գիտական յուրահասուկ դիսցիպլինի՝ առանձին, ինքնուրույն գոյության իրավունքի ապահովումը պայմանավորվում է նրան ենթակա գիտական նոր բնագավառի՝ դարձվածագրության հիմնադրումն ու վերջինիս հարաբերակցված հակադրությունը բառագրությանը։ Դարձվածագրությունը ներկայացնում է յուրատեսակ հարցերի մի ամբողջական կոմպլեքս, որոնց լուսարանումը չի մտնում բառագրության խնդրի մեջ։